

Превосходство / Primacy (рассказ)

Другой перевод

У этого произведения есть другой перевод. Он находится по ссылке: [Первородство / Primacy \(рассказ\)](#).

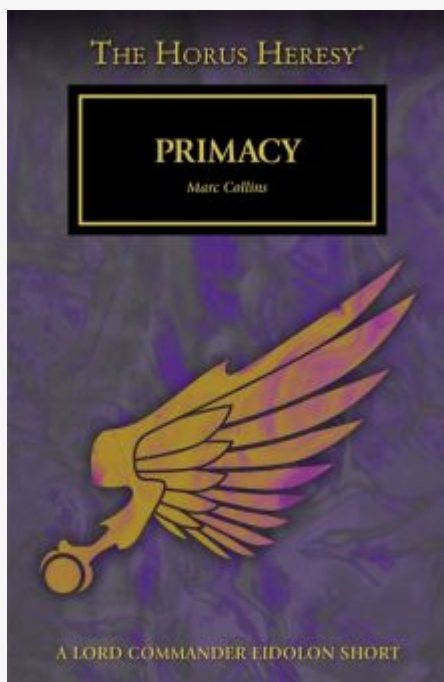
Перевод коллектива "Warhammer: Чёрная Библиотека"

Этот перевод был выполнен коллективом переводчиков "Warhammer: Чёрная Библиотека". Их канал в Telegram находится [здесь](#).

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Превосходство / Primacy (рассказ)

Автор	Марк Коллинз / Mark Collins
Переводчик	jstillborn
Издательство	Black Library
Серия книг	Ересь Гора / Horus Heresy
Год издания	2023
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат

Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

«Нет, не из пепла, лишённого жара, пусть и по праву названного горнилом и колыбелью, но из пламени возрождается феникс».

приписывается примарху Фулгриму.
Источник неизвестен.

В бескрайней черной пустоте висела одинокая космическая станция, незначительная во всех возможных смыслах. В эпоху мира и процветания, наступившую после стремительного завоевания сектора силами Великого крестового похода, она удостоилась лишь сноски, стала тем, о чем тут же забывают — подпунктом в обширных логистических архивах. В снабжении миров Сатрийского залива ценным продовольствием и лекарствами-аналогами агростанция Пирус Сигма 45-1 играла лишь второстепенную роль.

В свое время она достаивалась внимания лишь грузовых челноков, прибывавших пустыми и отбывавших с трюмами, доверху заполненными припасами. Война положила конец тем прекрасным монотонным дням. Теперь станция впустую обращалась вокруг своей оси — люди, ее населявшие, либо бежали, либо лежали в земле, которую сами и возделывали. До сего момента она оставалась забыта и мертва, но ныне возрождена с единственной целью.

Корабли, окружившие агростанцию, поражали разнообразием своих обликов. Борта одних сверкали инкрустациями из самоцветов и узорчатой позолотой, расплзавшимися по поверхности, словно

роскошные раковые опухоли. Другие щеголяли множественными пробоинами, в которых зиял голый алмазиевый каркас, будто выставляли напоказ свое презрение к мощи вражеских орудий. Но гораздо больше представителей флота несли на себе размашистые отметины когтей, в беспорядке разбросанные по обшивке, где обрушились Геллеровы поля — из-за аварии или намеренно отключенные. То нерожденные одарили корабли своим мимолетным вниманием, взрезав металлическую обшивку, словно мясо. Один же из кораблей, слишком буквально воспринявший подобную метафору, был обильно украшен ошметками человеческой плоти, мгновенно застывшими в ледяных объятиях космоса.

Стоя на верхней палубе «Гордого сердца», лорд-командующий Эйдолон с глубочайшим отвращением глядел на выбранное место сбора. Сведенные судорогой пальцы сжимали рукоять громового молота.

Слава Вечная, это великолепное оружие, резко контрастировала с тем воплощением падения, в которое превратился Эйдолон. От некогда роскошных волос остались лишь редкие жирные пряди, липнувшие к обтянутому тонкой кожей черепу. В горле пульсировали чужеродные органы и новообразования, исполненные жажды насилия. Поза Эйдолона даже в бездействии свидетельствовала о непрекращающихся внутренних страданиях. От всей его фигуры веяло болью. Иной на его месте уже бы сломался, однако Эйдолона переполнял восторг, ибо он почитал муку бесценным даром, ощущением, которым следует упиваться.

Столь немногие из них понимали эту простую истину. Служить только собственным устремлениям, наслаждаться только собственными страданиями.

— Жалкое зрелище, не так ли? — протянул Эйдолон. — Как низко мы пали. И так скоро после нашего величайшего триумфа.

— Триумфа примарха, — осторожно поправил Фон Кальда.

Аптекарий лениво поглаживал нартециум, будто ему не терпелось вновь пустить его в ход. На поясе болтались окровавленные трофеи, хирургически перекроенные для достижения наибольшего эстетического эффекта. Позади них оглушительно взревели и заулюлюкали какофоны, словно дикие звери в предчувствии добычи.

— Поэтому мы и собрались, не так ли? Чтобы восславить его апофеоз. Его вознесение.

Эйдолон издал булькающий смешок.

— Вознесение, да, — проорчал он и, шагнув вперед, протянул руку к окулусу.

Цвета на экране пришли в движение, начали меняться, будто по воле некоего божества. Реальность вокруг быстро истончалась. Эйдолон готов был поклясться, что некто или нечто наблюдает за ними. Чей-то оценивающий взгляд, словно из-за завесы, то и дело скользил по ним, будто выискивая слабость.

— Ты ли это, отец? — с усмешкой сказал Эйдолон сам себе.

— Мой господин? — переспросил Фон Кальда, хоть и отчетливо слышал его фразу.

Аптекарий будто опасался заразиться тем безумием, которое, по-видимому, охватило лорда-командующего. Мог ли хоть кто-то по-настоящему понять, какую боль ему приходилось выносить после перерождения? Возможно, один лишь примарх, но он затерялся среди фигур в игре, о цели которой в легионе могли только гадать.

— Не важно, — резко ответил Эйдолон.

Он отошел от стекла и направился в центр зала, упиваясь восхитительным погромом, царящем на командной палубе. Вокруг разливалась великая песнь, набирая мощь до тех пор, пока палуба не задрожала под ногами, пока сам корабль не превратился в подобие музыкального инструмента, изыгающего мелодию в пустоту, отравляющего реальность одним своим существованием.

— Мысли вслух, советник. Скоро мы воссоединимся с братьями, и тогда мне уже не позволят подобных... размышлений.

— Вы ожидаете сопротивления?

Эйдолон попытался пожать плечами, но тут же скривился от острого приступа боли — плоть снова взбунтовалась. Заклокотав от удовольствия, он почувствовал, как шевелятся в горле его новые органы. Представить величественный миг полной утраты контроля над собой было так просто. Перед мысленным взором лорда-командующего обрушивался мостик, проваливалась палуба под ногами, позолота рассыпалась вдребезги, гас перламутровый экран окулуса, толпы рабов валились на искореженные плиты пола. Эйдолон мог в мельчайших подробностях представить смерть каждого из них. Кровь на клейменной коже, контрольный аппарат и усилители боли разбиты и брызгают искрами.

«Где-то глубоко, в потаенных залах моей души, все еще разносится смех, даже до сих пор...»

Эйдолон моргнул, прогоняя непрошенные мысли и странные видения, и вновь повернулся к своему советнику.

— Если ранее мы пребывали в идеальном согласии, то ныне погрязли в раздорах. И все же хаос, посеянный Фулгримом, есть ничто иное, как прекрасная возможность, — язык Эйдолона вывалился изо рта и прошелся по губам, — которой я намереваюсь воспользоваться. — Воин снова рассмеялся, и смех его отдался эхом, несмотря на неопикуемый гвалт, царящий на мостике. — Я вновь укажу нам путь. Но не ради пропавшего отца, а во имя целей, дарованных нам богами. Идем, советник, — поманил Эйдолон аптекаря дрожащей рукой. — Посмотрим же, что наши братья натворили на этот раз.

В руках Детей Императора станция превратилась в подлинное воплощение безумия. Полоумные рабы, лишённые глаз, на место которых вживили оптические имплантаты, прошлись по стенам шпаклевкой и красками. Воспаленная фантазия несчастных неудержимым потоком выплеснулась на агростанцию, словно на холст, подстегиваемая злобными капризами их хозяев. Кое-где разноцветные мазки и узоры прерывались изувеченными телами их творцов: превращенные в мешанину плоти и искореженного металла, они были вдавлены в стены снизошедшими до них господами.

Эйдолон прошаркал по преобразившемуся коридору мимо одного из таких жутких барельефов, едва удостоив его взглядом. Глинистая почва из опустошенных контейнеров и гидропонных установок станции покрывала каждый дюйм пола. Жидкости в трубопроводах и баках с питательным раствором переливались головкружительной палитрой красок, преломляя искусственный свет в оттенки, названий которым еще не придумали.

Лорд-командующий наблюдал, как аппарат с жадным бульканьем принялся накачивать удобрениями почву и взошедшие на ней побеги.

Лианы, вытянувшиеся из влажной земли, кольцами обвивали опорные колонны и технические мостки. Имперское железо постепенно поглощалось буйной мутировавшей растительностью. Толстые стебли, испускавшие тусклое свечение, целиком заполнили пространство между балками. Ближе к центру зала

болезненного вида рошицами сгрудились деревья, вытянувшиеся так сильно, что царапали кронами своды. Дети Императора уже принялись за то, чтобы придать им соответствующий вид.

На бледной, как кость, коре руки резчиков запечатлели сцены возмутительного распутства и переименованные эпизоды истории легиона, отчего деревья стали напоминать столпы на пути какого-то нечестивого паломничества. Из порезов сочилась полупрозрачная смола, влажно блестящая на блеклой поверхности.

Кто-то — Фабий, как предположил Эйдолон — по-видимому, заранее подготовил место к предстоящему совету. И Дети Императора собрались по зову братского чувства, что все еще слабо тлело в них. Подталкиваемые безумными и жадными до власти.

Иначе и быть не могло. После вознесения Фулгрима легион изменился. Никто в том не сомневался. В глубине души это знал каждый воин Третьего, кому бы он ни служил. Им нужен был путь из огня Ока в пекло войны. Здесь они представят свое видение будущего, будут заручаться поддержкой толпы, определяя ее возможности и придавая легиону новую форму.

Другие воины Третьего уже опередили Эйдолона и теперь собирались свободными группами вокруг своих избранных предводителей. Лорд-командующий позволил чертам изуродованного лица исказиться в гримасе превосходства.

«Найдется ли здесь хоть кто-то, кто мог бы сравниться со мной?»

Претенденты, разумеется, наличествовали. Они бахвалились и красовались чуть ли не на каждом углу. В сердце роши Эйдолон заметил Каэсорона — возможно, наихудшего из всех — на троне из бледного дерева и оскверненного золота. Перед ним преклонили колени несколько подонков, отчаянно ждущих подачки. Их глаза неотрывно следили за каждым движением его руки с кубком из тусклого металла. Внутри плескалась неизвестная красная жидкость, едва не переливаясь через край. Эйдолон не сомневался, что, случись такое, эти презренные тут же кинулись бы слизывать с пола любую мерзость, какую бы Каэсорон ни пил.

После вознесения к вершинам порока легион преобразился в нечто великолепное, но даже самое прекрасное произведение искусства со временем истлевет. Толпы безумцев, с одержимостью добивавшихся внимания Любимых Сыновей, — одно из многих тому свидетельств. Эйдолон возненавидел их с первого взгляда. Из принципа.

«К счастью, некоторые из нас еще не до конца утратили достоинство», — подумал он и сдавленно хмыкнул.

Рядом стоял Фон Кальда. В руках он держал личное знамя лорда-командующего, преображенное новыми красками. Позади столпились шестеро какофонов во главе с Тилем Плегвой. Певец разрушения прогромыхал вперед. Его акустическая пушка безостановочно двигалась, насильственно раскрытые навеки глаза горели зловещим восторгом. Наполовину лишенное плоти лицо блестело голой костью, украшенной затейливой резьбой, не менее искусной, чем на болезненных деревьях вокруг.

— Мы готовы исполнить песнь, лорд-командующий, если того потребует ситуация, — прогудел Тиль изумительно отталкивающим голосом — сдавленным, искаженным мелодией «Маравильи».

— Если дойдет до такого, я сам поведу хор. Это мое право и мой долг, — прошипел Эйдолон, наступая на Тилья. — Ты здесь, чтобы возглавить почетную гвардию, а не служить мне телохранителем. — Его руки вновь стиснули рукоять молота. — Или ты полагаешь, будто я настолько слаб, что не способен

возглавить собственную битву, а?

— Таково общее мнение, — проскрипел третий голос. — Хотя, конечно, не все из нас столь глупы.

Эйдолон повернулся и смерил подошедшего взглядом, скривив лицо в улыбке:

— А, Фабий, а я-то все думал, когда ж ты объявишься.

Старший аптекарий, далекий от бахвальства своими многочисленными достижениями, казался усталым и опустошенным. Сохлый сморчок в доспехах. Эйдолону вдруг подумалось, что Фабий напоминает ему недоеденный обед. Он качал головой из стороны в сторону, будто улавливал звуки слышимой только им песни. Примарх глубоко запустил в него свои когти, в этом Эйдолон не сомневался.

— Плохо выглядишь, костоправ, — нараспев произнес лорд-командующий с нескрываемым весельем в голосе. — Подлечился бы. Ты же победил смерть. — Он указал на свое перерожденное тело — творение рук Фабия. Мерзости, украшавшие стены, не шли с ним ни в какое сравнение. — Ты вернул меня к жизни всего лишь из прихоти, а о собственном здоровье и позаботиться не можешь? Да уж, ирония Темного князя не знает границ.

— Избавь меня, — буркнул Фабий. — Как создал, так могу тебя и прикончить.

— Слова, брат, ничего не стоят, если не подкреплены делом.

— Лорд-командующий, — протянул аптекарий без всякого намека на чувство в голосе, — я собрал тебя заново по кусочку, ген за геном. Новые органы в глотке ты получил только моими трудами и только по моей доброй воле. Стоит лишь дернуть за нужную ниточку, и ты развалишься на части. Для этого не нужно вообще никаких усилий.

Эйдолон угрожающе наклонился вперед, лицо застыло маской холодного злорадства:

— О, но ведь это примарх приказал вернуть меня к жизни, аптекарий, каким бы уродом я ни вышел. Брось ты меня тогда, и он бы точно дал волю своему гневу. К тому же, полагаю, наш отец все еще значит для тебя слишком многое, чтобы ты решился так откровенно выступить против него.

Фабий долго разглядывал Эйдолона, словно препарат на лабораторном стекле, который ни с того ни с сего начал гнить.

— Настанет время, дорогой мой Фабий, когда твоя жизнь будет зависеть от моего покровительства и великодушия. Надеюсь, к тому моменту ты поумеришь свой пыл.

— Меня ждут дела, — бросил Фабий и указал на ряды неисправных механизмов гидропонных установок.

— Растения и те стоят большего внимания и заботы, чем ты, лорд-командующий.

Эйдолон рассмеялся:

— Можешь идти, капитан-лейтенант. Не смею отвлекать тебя от твоих глупостей.

— Разумно ли было поступать так? — спросил Фон Кальда со смесью раздражения и беспокойства на лице.

Эйдолон оглянулся на него, сдвинув брови.

«Всюду, где бы я ни ступал, меня преследуют критики и няньки. Неужели так просто забыть, кто я

такой?»

— Наш Паук, как ты знаешь, личность весьма многосторонняя. — Эйдолон кивнул в сторону аптекарских инструментов своего советника. — Он вспыльчив и высокомерен, но далеко не глуп. Пускай беснуется. Нас ждет добыча покрупнее.

Лорд-командующий повел своих воинов дальше, хлюпая саботонами по ручьям из крови и человеческих экскрементов, в изобилии растекшимся по лакированному полу, и остановился перед вычурным тронном Каэсорона.

Первый капитан повернул к ним свой измененный череп. Рога влажно блестели, в непроницаемо черных глазах горела алчность. Он фыркнул от смеха:

— А, Эйдолон! — осклабился Юлий, и его улыбка засверкала от обилия жемчугов и платины, белоснежной кости и алмазов. — Я уж было решил, что ты сгинул на Йидрисе.

Орава его прихлебателей подобострастно захихикала. Эйдолон проигнорировал их.

— Кое-кто из нас оказался в гуще событий, — хмыкнул он, — а не возился с отребьем из Четвертого.

Каэсорон затрясся от смеха, стряхивая тонкий слой переливчатой пыли, покрывавший его, словно чешуйки кожи. Эйдолону потребовалась какая-то секунда, чтобы узнать в ней истолченные камни душ альдари, лишённые своего внутреннего света, совершенно опустошенные ради утоления непомерного аппетита первого капитана.

— Мне не хватало этих твоих колкостей. Весьма прискорбно было бы потерять тебя — от клинка ли, или от бесчестья. Я несказанно рад, что ты еще в состоянии принести хоть какую-то пользу. До чего же приятно видеть, что и ты явился отпраздновать наш величайший триумф.

— Я, должно быть, пропустил триумфальное шествие, — обронил Эйдолон.

— Мне никогда не наскучат твои шутки, — промурлыкал Каэсорон и, оглядев его хищным взглядом, вновь расхохотался. — Но самая смешная — что ты до сих пор мнишь себя командиром.

— Я все еще лорд-командующий, — ответил Эйдолон, и его заявление повисло в воздухе. Он напряженно выпрямился, словно натянутая струна, глаза его сверлили Каэсорона.

Уродливое лицо первого капитана скривилось в выражении удовольствия и отвращения. Эйдолон с легкостью мог вспомнить сеть старых шрамов на месте обновленной плоти Юлия.

Легионеры перекраивались один за другим. Менялись до неузнаваемости, надевая чужую кожу, испивая чужую жизненную силу. Еще недавно случай Эйдолона считался уникальным, но вскоре, он знал, подобное распространится повсеместно. И все благодаря трудам Фабия и нашептываниям Темного князя.

— Думаю, это ненадолго, — наконец сказал Каэсорон и, осушив кубок, отбросил его в сторону. Металл глухо звякнул о камень. — Или, может, нам лучше проверить, стоишь ли ты своего звания?

Эйдолон перехватил Славу Вечную и улыбнулся в ответ.

— Жду не дождусь, Юлий. Давно я своими глазами не видел, как ты сражаешься.

Эйдолон приветствовал братьев по легиону, словно явившийся с визитом аристократ, одаривая всякого, к кому подходил, порцией заслуженного презрения. Их нынешнее состояние совсем не радовало. Алчные дети, готовые валяться в грязи ради продвижения по службе. Ничем не лучше шавок из Двенадцатого или землекопов из Четвертого. Паразиты, все как один.

«Абдемон и Веспасиан когда-то носили тот же титул, что и я. Закоснелые идиоты — что тот, что другой — но хотя бы не лишены обаяния. Эти же не обладают даже подобным достоинством».

Как будто в подтверждение его мыслям, перед Эйдолоном оказались двое из его братьев, о чем-то увлеченно перешептывающихся. Лорд-командующий Архориан был будто весь соткан из бритвенно-острых граней и отточенного высокомерия. Шлем он зажал подмышкой, так что его шипы впивались сбоку в доспех. Лицо воина покрывали россыпи рубцов и порезов, красноречиво говорившие, что внутри броня была такой же, как и снаружи. Архориан сердито глянул на Эйдолона и вновь повернулся к своему собеседнику. Лорд-командующий Кирий оглянулся, показав бледное, практически бескровное лицо с острыми чертами, до боли похожее на лик примарха.

— А мы гадали, сумеешь ли ты сюда добраться, — сказал Архориан.

— И ты нас не разочаровал, как и всегда, — вставил Кирий. Обнажив длинный золотой меч, он все вертел его в руках, будто раздумывая, каким из множества способов оборвать вторую жизнь Эйдолона. — Я так и сказал Архориану, что рано или поздно ты объявишься. Никто из свидетелей великого ритуала нашего отца не собьется с пути.

— А я тебе сказал, — возразил тот, — что гордыня способна ввести в соблазн даже лучших из нас.

В ответ Эйдолон рассмеялся. Архориан ему никогда не нравился. Недалекое существо, метившее куда выше своих способностей. Эйдолон тоже ставил перед собой довольно амбициозные цели, но его случай отличался. Он мог их достичь.

Лорд-командующий склонился в поклоне, его суставы протестующе заскрипели. Боль заполнила все его существо, выдавив из горла приглушенный хрип. Воины с недоумением глядели, как он неуверенно разгибается.

— Ты льстишь мне, брат, — ответил Эйдолон, впившись в Кирия взглядом. — Истинное благословение иметь столь прозорливых соратников. Ты одарен дальновидностью самого Фулгрима, уверяю тебя.

Лицо Кирия растянулось в ухмылке, больше напоминавшей злобную гримасу, а Архориан даже не снизошел до реакции на столь явное оскорбление.

— Так зачем ты явился, Эйдолон? — рыкнул он в ответ. — Ты угодил примарху в немилость, либо же милость его настолько зависит от настроения, что между ними нет никакой разницы. Ты ведешь себя так, будто все тебе должны подчиняться, и оскорбляешь наше собрание своим... видом.

— Таким меня сделали примарх и Фабий, — кивнул Эйдолон с деланным простодушием. — Разве не ради подобных наслаждений мы и живем? — Вдруг он пошатнулся вперед, мышцы свело судорогой. До чего жалким, должно быть, выглядел Эйдолон со стороны, гордо выставляя свое состояние как дар. — Наш ушедший отец своим примером показал, что апофеоз — далеко не безболезненный процесс. Всякое приобретение требует жертвы. Цена возвышению — боль, а уж в этом мы преуспели весьма, не так ли?

Кирий усмехнулся и, вложив меч в ножны, похлопал по рукояти. Архориан покачал головой и отвернулся. Эйдолон снова расплылся в улыбке.

«Пусть презирают. Пусть сомневаются. Пусть все до единого считают меня слабаком и калекой».

Ему вспомнился Ракомон. Теперь тот случай казался незначительным. Если не сказать ничтожным. Очередная печальная и лживая глава, вычеркнутая его рукой из истории легиона. И только. Способ исцелиться был уже в его руках, но Эйдолон позволил ему ускользнуть.

— Нам нужно принять то, кем мы стали. То, чем мы стали, — рассеянно сказал он и отвернулся от братьев. — Вот истинное совершенство.

Когда назначенный час наконец настал, под сводами протяжно грянул дисгармоничный гром колоколов, взревели акустические пушки. Станция зазвенела. И этот звон поглотил ее целиком. От мощных ударных волн, сотрясших каркас, все кругом завибрировало и загудело. Эйдолон с удовольствием подставил тело какофонии, позволил ей окутать себя. Глубоко в тканях нервы содрогнулись и запульсировали. Огонь, пронесаясь через все тело, взвился в мозг, пронзая болевые центры.

От хлынувших безудержным потоком чувств Эйдолон стиснул зубы. Пальцы сжались, звякнув латными перчатками, пока он изо всех сил старался не рухнуть на колени. В постоянных оскорблениях он отыскивал умиротворение, а посреди бушующего на станции хаоса — покой. Тиль вместе со своими воинами, по-видимому, присоединился к хору — там его таланты пришлись весьма кстати.

«Вот слава, дарованная Темным князем, — подумал Эйдолон. — Фулгрим лишь осветил путь, уготованный нам судьбой с самого начала. Путь к столь желанному совершенству преграждали ложные ценности. Выдуманнные смертными понятия, ставшие нам цепями. Но мы разбили их. Освободились, чтобы восходить ко все новым и новым вершинам».

Некоторые братья все же упали на колени, другие извивались на земле в приступах наслаждения, вырисовывая своими телами странные узоры в грязи. У одного из воинов с растянутым проволокой, непрерывно кровоточащим лицом из лишенных век глаз лились слезы. Другой яростно сдирал с головы кожу, пока в жутком месиве не показались пучки невральных кабелей. Провода искрились и дергались, словно змеи, когда тот опрокинулся, упиваясь болью.

Совет держали в роще. Сотни воинов. Капитаны. Лорды-командующие. Избранные офицеры. Представители десятков фракций, всех эшелонов переродившегося легиона, каждый из которых был готов донести до своих соратников любое решение, принятое здесь.

Между расставленными в роще столами, ломящимися от кубков и переполненных блюд, неуклюже ковыляла прислуга, их походка стала дерганой и хромающей от действия стимуляторов боли и вживленных желез, выделяющих дурманящие вещества. Те из них, кто ещё мог стоять, перетаскивали трупы менее везучих товарищей на стол как заключительное подношение на этом пиру. Прислуживать уже считалось честью, но быть пожранным во время чина омофагии — подлинным благословением.

Над роскошным пиршеством председательствовал Каэсорон, занявший место во главе одного из самых больших столов. Свет, отраженный от зеркальных осколков и отполированных панелей, играл на пластинах его брони. Лакированные исступленной рукой поверхности доспехов, контрастирующие с потускневшим золотом, делали его похожим скорее на идола, чем человека.

— Братья! — воззвал первый капитан, широко раскидывая руки. — Мы собрались здесь в час величайшего триумфа. Наш примарх вознесся к вершинам славы. Многие из вас лицеизрели это воочию. Теперь пришло время определиться с дальнейшим курсом.

Каэсорон прервал речь, подцепил лоснящийся кусок мяса и с хлопом втянул его изуродованными губами.

Его слова вызвали целую бурю восторженных возгласов. Вслед за криками, словно в знак одобрения, усилилось звуковое безумие музыки какофонов.

— Наш долг, разумеется, следовать по стопам Фулгрима, как мы всегда поступали и раньше, — продолжал Каэсорон, наклоняясь то в одну, то в другую сторону, ловя взгляды собравшихся воинов.

Архориан — покорный, недалекий Архориан — внимал каждому слову. Эйдолон видел, как на его бледной коже проступал румянец, заставлявший кровь сочиться из множества испещривших лицо порезов. Кирий казался безучастным. Он со скукой раз за разом проверял свой клинок, словно одержимый.

— Мы из Третьего. Не забывайте, все вы, — даже те, кто не застал их — дни, когда легион прорубал себе путь из грязи. Вымирание стало нам ножом, приставленным к горлу, но мы преодолели и это. Мы выжили, чтобы родиться заново, обновленными. На Лаэране. На Исстване. На Йидрисе. Так почему бы нам не последовать в тени отца и не принять в себя свет варпа?

Полные безумия, жуткие глаза Каэсорона были широко распахнуты. Он бился и пускал слюну в помешательстве, и все вокруг подражали ему, изображая из себя то, во что, по их мнению, должен был превратиться легион. Но при всем этом именно Эйдолон, их лорд-командующий, навсегда останется объектом насмешек и презрительных взглядов.

Рассеченная душа. Сломленный. Изувеченный.

— Идите за мной! — воскликнул Каэсорон, возвышая голос над завываниями и воплями. — И вместе мы выкуем легион заново. Наши так прискорбно почившие, оплакиваемые братья из Железного Десятого... — он сделал паузу, позволив хохоту прокатиться по толпам слушателей, — утверждают, что плоть слаба. Наш примарх — не их — показал истинность этих слов! Фулгрим преодолел ограничения плоти, ограничения времени. Ныне он в сияющем великолепии шествует рука об руку с богами. Их игра, их война — его война. Так пойдем же за ним, отыщем его — и возвышению нашему не будет конца.

Толпа возликовала, взрываясь похвалами, воины колотили по нагрудникам и пиршественным столам. Эйдолон наблюдал за всем этим с отрешенным недоумением. Он ожидал от Юлия хотя бы зачатков честолюбия, а что получил в итоге? Предложение плестись в хвосте Фулгрима, потакая его мимолетным прихотям? Было видно, что Архориан одобрял такое, но это и не удивительно. Отбросы тянутся к отбросам, как и всегда.

А вот Кирий...

Эйдолон наблюдал. Его соратник, лорд-командующий, прекратил играть с клинком и вышел вперед. Каэсорон сделал шаг в сторону, издав гортанный смешок. В отличие от первого капитана, казавшегося огромной гротескной развалиной, Кирий держался с изяществом и грацией опытного фехтовальщика. Он чинно прошествовал к центру роци под сенью колышущихся деревьев, увешанных бесформенными плодами, между их окровавленных стволов, блестящих во все усиливающимся освещении. Кирий потянулся, разминая мышцы, и силовой доспех придал его движениям нарочитой размашистости.

— Война остается войной, — возвысил он голос над скрипучим воем умирающей станции. — Фулгрим вознесся над нами. Растворился в эфире. Зачем нам идти за ним, когда наши приказы все еще в силе? Так вернемся же к войне, к битвам, которое должны свершиться. Я желаю быть там, когда

предначертанный час настанет. Терра ждет. Она сулит великую славу и ощущения, о которых мы не могли и мечтать. Трофеи и удовольствия, коим нет числа. Бросим же на алтарь грядущей войны весь легион, тела и души. Да, мы сокрушали империи. Мы истребили тысячи цивилизаций. И все же лишь эта война станет нашим последним испытанием. Величайшим вызовом за всю историю.

Воин сжимал и разжимал кулаки в нетерпении выхватить меч. Жажда убийства, раскаленная и наэлектризованная, лихорадкой пылала в его крови.

В поддержку Кирия прозвучало не так много голосов, и вскоре над пиршеством повисло то, что считалось здесь тишиной. Некоторые наименее сдержанные офицеры накинулись на расставленные перед ними яства, шумно хлебая сдобренное наркотиками вино и пожирая изысканно приготовленное мясо.

Над собранием раздался лязг металла о металл. Даже самые отъявленные чревоугодники повернулись на звук, несмотря на свой неутолимый голод, и уставились расширенными зрачками на того, кто посмел им помешать. Будь на том месте кто-то менее значительный, менее влиятельный в легионе, все тотчас же выхватили бы ножи и растерзали бы наглеца, а то, что осталось, подали бы на стол к остальным несчастным.

Наглецом оказался Эйдолон.

Фон Кальда отошел в сторону, нервно поглядывая то на лорда-командующего, то на глав собрания, его рука тянулась к инструментам на поясе, будто аптекарий ожидал, что ему вскоре придется пустить их в дело. Эйдолон вразвалку проковылял вперед, шатаясь, как пьяница, вызывая усмешки у своих братьев, отпускающих шепотом издевки в его адрес.

— Отлично сказано, — усмехнулся он. Его горло вздувалось и кривилось при каждом слове. Лорд-командующий ковылял к середине рощи, переводя взгляд с одного брата на другого. — Вами обоими. От чистого сердца, не сомневаюсь. С искренностью в каждом слове.

Кирий ошетинился, Каэсорон же откинулся на троне с вымученной улыбкой на изуродованном лице.

— И все же есть иной путь, помимо рабской преданности бросившему нас отцу и участи цепных псов под кнутом магистра войны.

В ответ на это поднялся ропот — отчасти возмущенный, отчасти заинтригованный.

— Где же Хорус? Магистр войны заставил Галактику гореть, а сам отсиживается в тылу и командует. Железные Воины не раз жаловались, что Император использует их, как Ему заблагорассудится, но Хорус сделает то же и с нами. Не пристало нам плясать под дудку варваров с Хтони. Не пристало нам кланяться милости и внимания, подобно шавкам с Фенрису.

Эйдолон сделал паузу, позволив себе на мгновение усмехнуться:

— Мы больше не какие-то Две Сотни, — продолжил он. — Мы не ходим в тени другого легиона, усваивая то, что превзойдем со временем. Уже давно мы сами прокладываем себе путь в этой войне. Мы — Дети Императора. Похожи ли мы на вчерашних крестьян с Барбаруса или на Пожирающих Миры? Мы, безусловно, во всем превосходим и угрюмый Четвертый. Мы — клинок, не знающий, кто им владеет. Примарх ли, магистр войны — не имеет значения. Мы уже отвергали хозяев, так что же изменится, если мы предадим еще одного? Если примарх желает возглавить нас, — Эйдолон бросил на Фабия снисходительный взгляд, — так пусть сойдет со своего пьедестала и примет нас.

Апотекарий вернул Эйдолону его презрительный взгляд и ушел в тень, будто ступил в пасть огромного зверя.

— Если магистр войны желает, чтобы мы сражались за него, пусть поведет нас. Пусть призовет нас на свою войну. А пока ничего из этого не произошло, будем же следовать собственным желаниям. Галактика в огне! От края до края пылает соблазнами!

Из толпы доносилось все больше одобрительных криков. Теперь-то они в его руках. Эйдолон поднял кулак, и Дети Императора отозвались воем и воинственными кличами.

— Я подарю вам сражения и завоевания, которых жаждали ваши сердца, — произнес он наконец. — Вместе мы возьмем все, чего пожелаем, и вырежем свои имена на изнеженном теле Галактики.

Над столами снова раздался всеобщий рев, и Эйдолон сделал шаг в сторону.

Неожиданно резким, полным силы движением, размывшим контуры его фигуры, Каэсорон поднялся со своего места и широким жестом обвел собравшихся. Вновь воцарилась тишина.

— Довольно слов, пусть и столь прелестных, — объявил он. — Теперь пусть говорит оружие.

Юлий хлопнул в ладоши, и воины встали и, пятась, начали раздвигать столы, освобождая место под арену.

Вокруг трех кандидатов, произнесших речи, начали собираться последователи. В угол Каэсорона устремились его полоумные прихлебатели и те, кто прельстился вершинами наслаждений, к которым, по расхожему мнению, вознесся примарх. Несколько меньше воинов выступило за желание Кирия стяжать славу в исполнении долга, в сражениях один на один с избранными чемпионами Императора на пылающем камне, что зовется Террой. Толпа, окружившая Эйдолона, уступала лишь немногим. Большинство присоединилось к нему, скорее, из любопытства, не видя в нем реального претендента. Но были и настоящие последователи, излучавшие гордость и страстную преданность. Неплохое начало.

— Выступили трое, трое и будут призваны. Назовем тех, кто будет за нас сражаться. — Каэсорон скривился в ухмылке и облизнул зубы.

Первый капитан махнул рукой, и из толпы выскочил коренастый воин в доспехе, явно несоответствовавшем его размерам. Он поднял тяжелый топор и стал вертеть им в руках. По всему его телу прошла дрожь, отчего из щелей между искривленными пластинами брони начали сочиться, покрываясь пеной, неизвестные жидкости.

— Катран Бессили, — с гордостью проворковал Каэсорон. — Один из моих фаворитов. Зрелище обещает быть как минимум впечатляющим.

Кирий фыркнул и дернул подбородком. На арену выскользнул гибкий фехтовальщик, шлейф из шелков и человеческих кож струился за ним, ниспадая с брони. Он прижал ко лбу чарнабальскую саблю в воинском приветствии.

— Преск Вак, — представил воина Кирий, — известный также среди братьев как Клинок Мучений.

Все собравшиеся повернулись у Эйдолону, а он лишь рассмеялся им в глаза.

— Я буду представлять себя сам, — небрежно бросил он.

Обрушившаяся в ответ волна хохот сошла с него, будто капли дождя. Лорд-командующий улыбнулся и прохромал в центр арены, подняв Славу Вечную.

— Мне нечего бояться ваших щенков. Как и вас самих.

Эйдолон стоял в центре круга, закрыв глаза и размеренно дыша.

Он ощутил, всего лишь на краткий миг, вкус истинного покоя. Вопль огромной станции утих до едва слышного фонового гула. Крики братьев рассеялись. Тишина. И ничего более. Эйдолона окутала безмятежность, боль ушла, но уже через мгновение целый мир обрушился на лорда-командующего, чтобы поглотить его без остатка.

Бессили широко размахнулся силовым топором, обрушивая удар сверху вниз, но Эйдолон сумел увернуться с ловкостью змея. Лезвие вонзилось в землю, покрывавшую весь пол зала, и в воздух взлетели вспыхнувшие огнем комья грязи, когда противник вновь поднял топор. Следом, безумно тараща глаза, напал Вак. Его лицо пересекала сеть порезов и шрамов, полученных в поединках и нанесенных им самостоятельно. Клинок метнулся вперед и впился в древко мастерски сработанного громового молота, выставленного Эйдолоном. Боль разлилась по нервным окончаниям, смешавшись с удовольствием.

Лорд-командующий рванулся вперед, отесняя более легкого мечника. Он уже чувствовал, как органы в горле начинают гудеть, переходя в убийственное крещендо. Но Эйдолон задушил в себе этот позыв и проглотил вырывавшийся наружу вопль. Победа будет одержана его силами. Не уловками Фабия.

Вак снова и снова бросался на Эйдолона. Сабля сверкала сотней росчерков вокруг защищавшегося лорда-командующего. Кровь струилась из-под его доспехов в тех местах, где почти бесконечно острый клинок достиг своей цели.

Бессили снова ринулся в бой. Эйдолон отскочил, и оба его соперника с грохотом столкнулись. Во всем этом не было никакой любви. Братские узы были попорчены и преданы огню. Они подчинялись прихотям разных хозяев, избранных легиона, держащих в руках его будущее. Будущее, в котором ни одна из сторон не желала видеть Эйдолона. На мгновение лорд-командующий выхватил взглядом несколько образов из толпы, наблюдавшей за поединком. Каэсорон с ядовитой улыбкой. Холодные глаза Кирия. Архориан, еле сдерживающий ненависть.

Но было что-то еще. Нечто наблюдало за ним, выглядывало из толпы, мелькая в чужих глазах. Эйдолон слышал отдаленный смех, мелодичный, как звон крошечных колокольчиков. Оно видело его и оценивало, оно жаждало.

Ты не умрешь во второй раз. Не здесь. Не сегодня. Голос нежно мурлыкал ему на ухо. Голос, так убедительно похожий на его собственный.

Оба воина развернулись к лорду-командующему. Он лишь улыбнулся.

— Сейчас... — прохрипел Эйдолон и вскинул свой молот. — Не пора ли начать биться всерьез?

Все они были близки смерти. На протяжении долгих лет, десятилетий, даже веков им приходилось сражаться и убивать во всех концах гибнущей державы Императора. Царство людей было воздвинуто их руками, с осторожностью и страстью художника. Теперь же все то рвение, всю изобретательность они

обернули на его разрушение.

И неудивительно, что дело дошло до неизбежного братоубийства. Даже среди тех, кто запачкал руки на Истване и посвятил всего себя делу предательства. Верность преломилась, как сквозь призму или разбитое зеркало, отражающее истинную сущность легиона.

Возможно, размышлял Эйдолон, в этот миг они по-настоящему понимали друг друга.

Бессили и Вак двинулись одновременно, размахивая клинками, выкрикивая боевые кличи. Эйдолон встретил их лицом к лицу, не издав ни звука. Свободной рукой он провел резкий удар и отправил мечника на землю. Грязь забрызгала его доспех, забила трещины и пробоины в пластинах, облепила изрезанное шрамами лицо. В то же мгновение Эйдолон отступил на шаг, уходя от опрометчивого удара топором, и крутанул Славу Вечную в одной руке. Потрескивающее оголовье молота врезалось противнику в бок.

Бессили рухнул. От столкновения с молотом все его тело будто вдавилось внутрь. Сросшиеся в сплошной панцирь ребра треснули. Эйдолон в мельчайших деталях слышал стон воина и влажный хряск ломающегося позвоночника. Лорд-командующий плавно развернулся, наступил Бессили на горло и принялся вдавливать его в землю, хоронить под весом своего презрения.

Вак вскочил на ноги и хрипло завопил, вкладывая в клич весь свой стыд, всю ненависть. На Эйдолона посыпались беспорядочные удары, подпитываемые отчаянным желанием показать себя. Отомстить за оскорбление, нанесенное остаткам его чести. Проявить себя в глазах покровителя.

Эйдолон позволил противнику потешить себя ложной надеждой. Даже впавший в буйство и ослепленный яростью, Вак не лишился некоторого мастерства. Следующий удар пришелся Эйдолону поперек груди. Доспех треснул, разошлась плоть. Хлынула горячая кровь, наполнив воздух могильным запахом. Лорд-командующий расхохотался, когда сабля прорубила наплечник так глубоко, что боль отозвалась во вживленных в тело портах. Черный панцирь запел глубоко под кожей, и Эйдолону пришлось сдерживать вой, вырывающийся в желании завопить с панцирем в унисон.

Вак почувствовал кровь. Эйдолон опустил на колено, все его тело дрожало, дыхание выходило рывками. Мечник шагнул к нему, перехватил саблю лезвием вниз и обрушил удар на лорда-командующего, метя в первичное сердце.

Время будто остановилось. Эйдолон моргнул, не сводя глаз с надвигающегося клинка. Он протянул руку. Реальность выправилась сама собой. Рука будто внезапно исказилась, и вот она уже держит саблю, остановив ее на месте. Эйдолон повел запястьем.

Великолепный, заветный клинок переломился. Лорд-командующий грузно оперся на молот и поднялся на ноги, сжимая отломанный конец сабли. Он вскинул лезвие и загнал его глубоко в горло противника. Вак отшатнулся. Из его шеи торчал обломок собственной славы. Кровь излилась на золото и пурпур доспехов, скрывая под собой украшавшую их палатинскую аквилу.

Эйдолон сделал тяжелый выдох и обернулся, оглядывая собравшихся.

— Я прошел проверку, — бросил он. — Я преодолевал и жизнь, и смерть, и огонь гораздо чаще любого из вас. Лишь я смог приблизиться к примарху во всей его славе. Лишь я был возрожден и создан заново руками наших новых богов.

Эйдолон наклонился, чтобы вынуть лезвие из горла павшего воина, и бросил обломок к ногам своих

оппонентов. Каэсорон издал булькающий звук, отдаленно напоминавший смешок. Кирий уже развернулся, чтобы уйти.

Расстановка сил сместилась в предсказуемо отчаянную сторону. Вскоре подле Эйдолона собралась по меньшей мере треть всех делегатов, падая на колени, выказывая знаки верности.

Эйдолон невольно улыбнулся, отвечивая поклон первому капитану и другому лорду-командующему.

— Вынужден покинуть вас, братья мои. Если судьба вновь сведет нас вместе, попрошу вас лишь об одном одолжении, — изуродованный воин выпрямился во весь свой рост и осиял собравшихся улыбкой кровавого триумфатора, — обращайтесь ко мне подобающе моему положению. Первый лорд-командующий.

Источник — [https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Превосходство_/_Primacy_\(рассказ\)&oldid=22929](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Превосходство_/_Primacy_(рассказ)&oldid=22929)

Эта страница в последний раз была отредактирована 29 мая 2023 в 22:28.